

И вскоре, улучивши миг желанный,
Она пошла проведать Дамиана
И под подушку сунула ему
Свое письмо. Не видно никому
Потом больному руку крепко сжала,
Поправиться скорее пожелала
И поспешила прочь уйти тотчас, -
За ней супруг ее прислал как раз.
Наутро встал с постели Дамиан,
Вдруг исцеленный от сердечных ран,
И быстро нарядился в пух и прах,
Чтоб отличиться в Маиных глазах.
Явившись к Януарию, поклон
Смирнейший ему отвесил он
И всем улыбки расточал так мило
(Учтивость хитрая – большая сила!),
Что молодого всяк хвалил пажу
И милостью дарила госпожа.
Теперь от Дамиана перейду
К той повести, которую веду.
Высказывают некоторые мненье,
Что содержанье счастья – наслажденье,
И впрямь, старался Януарий мой
Наладить так своей Есей жизни строй,
Чтоб полон был услады каждый миг:
По-королевски этот жил старик.
Все в доме было так заведено,
Чтоб наслажденье доставлять одно.
К усладам, коими он был богат,
Причислить надобно роскошный сад
С оградой каменной. Я б так сказал:
Тот, кто «Роман о Розе» написал,
Такой красы не описал бы. Слаб
Тут оказался бы и сам Приап,
Хоть божеством садов его зовут,

Так был роскошен сад и дивен пруд,
Над чьей водою лавр стоял, склонен.
Нередко Прозерпина и Плутон,
Толпою легких фей окружены,
Плясали на краю его волны
И чудно пели, люди говорят.
Наш рыцарь Януарий этот сад